

Уильям Голдинг

Бог-скорпион

*Часть сборника
Повелитель мух. Бог-скорпион
(сборник)*

Уильям Голдинг Бог-скорпион

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130916*

*Повелитель мух. Бог-скорпион: [сборник; перевод с английского] : Азбука; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-087053-0*

Аннотация

Творчество Уильяма Голдинга (1911–1993) принадлежит к самым ярким явлениям в британской литературе второй половины XX века. После выхода в 1954 году первого романа писателя «Повелитель мух», имевшего огромный успех, каждая его новая книга становилась событием в литературной жизни. В 1983 году писателю была присуждена Нобелевская премия «за романы, которые <...> помогают постигнуть условия человеческого существования в современном мире». «Бог-скорпион» – книга повестей-притч, действие которых происходит в далеком прошлом, однако автор поднимает здесь самые актуальные для XX века вопросы, никого не оставляющие равнодушными и заставляющие вновь и вновь задумываться над «проклятыми» вопросами бытия.

Содержание

Бог-Скорпион	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Уильям Голдинг

Бог-скорпион

Сборник

William Golding

The Scorpion God

Clonk clonk

Envoy extraordinary

© William Golding, 1954, 1971

© Перевод. Е. Суриц, 2013

© Перевод. В. Минушин, 2014

© Перевод. Л. Плостак, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Бог-Скорпион

Ни трещины не было в небе, ни изъяна в густо-синей эмали. Даже солнце, плывущее в зените, лишь оплавляло ее вблизи себя, и по небосводу текли и смешивались ультрамарин и золото. Подобно лавине обрушивались с этого неба пылающие зной и свет, заставляя все живое, что находилось между двумя длинными скалами, замереть в неподвижности, как сами скалы.

Река лежала застывшая, тусклая, безжизненная. Лишь легкий пар поднимался над водой – единственным намеком на движение. Стаи речных птиц на берегу, на шестигранных ссохшегося, растрескавшегося ила, бессмысленно таращили бусинки глаз. Заросли сухого папируса – кое-где прочерченные сломанным и накренившимся стеблем – стояли неподвижной стеной, как тростник на росписях в гробницах; лишь вздрагивали иногда сухие венчики, просыпая семена; и там, где семя падало на отмель, там оно и оставалось, не подхваченное течением или ветром. Но далеко от берега широкая, в несколько миль река была глубокой; там солнце так же слало вниз палящие лучи и так же плавало синюю эмаль отраженного небосвода, повторявшего густую синеву купола над красными и желтыми скалами. И теперь, словно выносить два солнца было выше их сил, скалы наполовину прикрылись дрожащей завесой марева.

Черная жирная земля между скалами и рекой была иссушена зноем. Стерня и застрявшие в ней там и тут птичьи перья, казалось, лишены были жизни. Редкие деревья: пальмы и акации, словно вконец отчаявшись, поникли листвой. Немногим больше было жизни в беленых глинобитных лачугах, что так же, как деревья, застыли в неподвижности; застыли, как мужчины, женщины и дети, которые выстроились по обеим сторонам убитой глинистой дороги, шедшей вдоль реки. Люди стояли, повернув головы к реке и отвернувшись от солнца, которое отбрасывало им под ноги короткие тени цвета кобальта. Они стояли на своих тенях и, прижав к груди согнутые в локтях руки, смотрели вдоль реки, не моргая, приоткрыв рты.

Издали донесся слабый шум. Мужчины переглянулись, вытерли о льняные юбочки потные ладони и подняли их вверх. Ребятишки, разгуливавшие голышом, зашумели, устроили беготню, но женщины в длинных белых холщовых одеждах, перехваченных над грудью, живо шлепками заставили их уgomониться.

На дороге возник человек, появившийся из тени пальмовой рощицы. Как и скалы, его движущаяся фигура дрожала в струях горячего воздуха. Даже издали его легко было отличить от столпившихся у дороги людей – по необычности одеяния и тому, что все смотрели на него. Человек достиг открытого места, где дорога шла по жнивью, и теперь можно было видеть, что он бежит, бежит мелкой трусцой, медленно переставляя ноги, а народ по сторонам размахивает руками, кричит, хлопает в ладоши и провожает его взглядами. Человек приближался, и теперь глаз различал не только необычность того, что он делает, но и его необычный наряд. На нем были юбочка и высокий головной убор, то и другое из белого полотна. Его сандалии, запястья и болтавшийся на груди широкий пектораль сияли золотом и синей эмалью, как и жезл и плеть в руках. Его тело блестело, покрытое потом, который градом катил с него и капал на дорогу. Видя, как капли падают на потрескавшуюся землю, люди кричали еще громче. Те, мимо чьего поля он пробежал, присоединялись к нему, но, едва поле кончалось, замедляли шаг и останавливались, утирая взмокший лоб.

Уже бегущий настолько приблизился, что можно было его рассмотреть. Когда-то округлое, лицо его от жизни в роскоши и привычки повелевать стало тяжелым, квадратным, под стать коренастому телу. У него был вид человека, которого не часто посещают мысли, но если таковое случается, сомнению они не подлежат; и сейчас его единственной мыслью было: бежать, бежать не останавливаясь. Но кроме этой, главной, мысли были и другие, мел-

кие, вызванные недоумением и раздражением. Для раздражения была достаточная причина – головной убор то и дело сползал на один глаз, и бегущий поправлял его крючковатым жезлом. Хвосты плети, набранные из шариков, золотых и синей эмали, били по лицу, если он слишком высоко поднимал руку на бегу. Время от времени, как бы спохватываясь, он опускал скрещенные жезл и плеть на уровень живота, ибо правила ритуального бега предписывали тереть их один о другой, как при точке ножа. Это, да вдобавок осаждавшие его рои мух, вполне объясняло его раздражение, а вот причину недоумения понять было несколько труднее. Он бежал через поле, глухо стуча пятками по глине, и теперь его сопровождал только один человек – поджарый и мускулистый юноша, который кричал ему, подбадривая, умоляя, восхваляя одновременно:

– Беги, Высокий Дом! Ради меня беги! Ради жизни! Ради здоровья! Силы!

Добежав до края поля, они как будто пересекли невидимую границу. Люди, толпившиеся впереди у нескольких домишек, двинулись им навстречу с криками: «Бог! Бог! Высокий Дом!»

Их вдруг охватило такое же возбуждение, как юношу, что сопровождал бегуна. Они встретили бегущего воплями и слезами радости. Женщины бросались ему наперерез, позабыв о детях, затерявшихся среди мелькания быстрых темных ног. Он медленно бежал по узкой улочке, и мужчины присоединялись к нему. Тут же стоял слепой старик, тощий и скрюченный, как посох, на который он опирался, стоял, подняв руку и повернув голову к бегущему, выкатив мутные, словно кварцевые, белки; и, слепой, он кричал со всеми:

– Жизнь! Здоровье! Силу! Высокий Дом! Высокий Дом! Высокий Дом!

Вскоре бегун, увлекая за собой юношу, оставил позади очередную деревушку; а женщины все смеялись и кричали друг дружке:

– Ты видала, сестра? Я дотронулась до Него!

Высокий Дом все так же бежал вперед и все так же поправлял жезлом неудобную шапку с непреходящим раздражением и, если уж на то пошло, недоумевая больше прежнего. Теперь к нему присоединялось мало людей, когда он пробегал по деревне, да и те, едва деревня кончалась, тут же отставали, все, кроме худощавого юноши. Они останавливались, задыхающиеся, но с улыбками на лицах, а Высокий Дом и его спутник бежали дальше, только подпрыгивали завязанные узлом концы царской юбочки. В наступившей тишине слышались лишь удалявшиеся тяжелое дыхание и глухой топот ног. Мужчины брели назад в деревню, где их ждали расставленные на грубых столах посреди улицы кувшины и кружки с густым пивом.

Когда топот бегущего окончательно затих вдали, слепой, который еще долго стоял у дороги, опустил руку. Он не присоединился к деревенской толпе, но повернулся и, нащупывая палкой дорогу, направился по жнивью, а потом сквозь густые кусты к реке, выбрался на чистое место под пальмами, где илистая почва не была в шестигранниках трещин. Здесь в тени пальм сидел мальчик – ноги скрещены, руки безвольно лежат на бедрах, голова опущена, отчего единственная прядь волос, оставленная на его голове бритвой, свесилась до колена. Он был худ, как и слепой старик, хотя не столь темнокож; и его юбочка была ослепительно белой, не считая следов, оставленных прибрежной лозой и пылью.

Слепой сказал в пространство перед собой:

– Все. Они уже далеко. Теперь мы этого не увидим еще семь лет.

Мальчик безразлично ответил:

– Я не ходил смотреть.

– С ним бежал юноша, тот, которого прозвали Болтуном. Он ни на минуту не закрывал рта.

Мальчик встрепенулся:

– Надо было сказать об этом раньше.

– Зачем?

– Тогда я пришел бы посмотреть.

– Разве Болтун твой отец, а не Бог?

– Я люблю Болтуна. Он рассказывает такие сказки, от которых небо становится невым. И он живет.

– Он – что?

Мальчик раскинул руки.

– Он просто живет.

Слепой опустил на землю и положил палку на колени.

– Сегодня великий день, принц. Ты, верно, это знаешь?

– Няньки рассказали мне, потому я и убежал. Великий день... Это значит, что надо стоять на солнце и при этом не шевелиться. Я после всегда болею. И еще, надо подымать столбы дыма, произносить всякие слова. Есть, что велит ритуал, надевать, что велит ритуал, пить, что велит ритуал.

– Это так. Но что с того? Твои шаги звучат как шаги маленького старичка. Но сегодня Бог покажет, что Он всемогущ, и, может быть, тебе тоже станет лучше.

– Как Он это покажет?

Слепой на миг задумался.

– Если речь идет об этом, то как Он может поддерживать небо и подымать воду в реке? Но Он это делает. Небо всегда у нас над головой; а вода в реке вновь подымается, как прежде. Это чудо.

Принц вздохнул:

– Я устал от чудес.

– Мы живы благодаря чудесам, – сказал слепой. – Я покажу тебе кое-что. Видишь пальму слева от тебя?

– Солнце слепит, не могу смотреть.

– Ну ладно. Но если мог бы, то увидел бы зарубки на стволе. Нижняя, на ладонь от земли, – это Отметка Скорби. Если вода не подымалась выше, людям приходилось голодать. Сколько тебе лет? Десять? Одиннадцать? Такое случилось, когда мне было немногим больше, и Бог, который царствовал тогда, выпил яд.

– Люди голодали? И умирали?

– Да. Мужчины, женщины, дети. Но Бог могуч, Он великий любовник, – хотя у него всего двое детей, твоя сестра и ты, – великий охотник, великий чревоугодник и великий бражник. Вода постепенно достигнет Отметки Доброй Еды.

Не обращая внимания на солнце, принц с интересом посмотрел на дерево.

– А на макушке – что это за Отметка?

Старик тревожно покачал головой:

– Однажды, не могу сказать когда, было пророчество, что вода подымется так высоко. Рассказывают, Отметка была сделана Богом, но вода никогда еще не доходила до нее. Слишком много – хуже, чем мало. Вода затопит весь мир и будет плескаться у ступеней Дома Жизни. Эта Отметка, – он наклонился и понизил голос, – называется Отметкой Конца.

Принц выслушал его молча, и слепой чуть погодя ощупью нашел его ногу и похлопал по колену.

– Ты этого еще не понимаешь. Но ничего. Однажды, когда меня не станет и Бог вступит в вечное Сейчас в Доме Жизни, ты сам станешь Богом. Тогда и поймешь.

Принц поднял голову и выкрикнул отчаянно и упрямо:

– Не хочу быть Богом!

– Что это такое? Кто тут так кричит?

Принц беспомощно колотил кулачками по сухой земле:

– Не буду Богом! Не заставят они меня!

– Тише, дитя! А если б тебя слышали – ты обо мне подумал?

Но принц вперился в бельма слепца, словно мог его заставить видеть:

– Не буду... не могу. Не могу я сделать так, чтобы река разливалась, или поддерживать небесный свод... мне все снится... тьма вокруг. Все рушится. Я погребен – ни пошевелиться, ни вздохнуть...

Слезы ползли по щекам принца. Он хлюпал носом и утирался грязной рукой.

– Не хочу быть Богом!

Старик заговорил громко и строго, словно пытаясь заставить принца опомниться:

– Когда женишься на принцессе, твоей сестре...

– Не собираюсь жениться, никогда, – неожиданно взорвался принц. – Нет, никогда. Особенно на Прекрасном Цветке. Если играешь с мальчишками, это всегда – охота, а я устаю бегать. Девочки только и хотят, что играть в мужа и жену: я должен ерзать на них и тоже устаю, тогда они сами это проделывают, пока у меня не начинает все плыть перед глазами.

Слепой помолчал.

– М-да, – выдавил он наконец. – М-да.

– Хотел бы я быть девочкой, – сказал принц. – Красивой девочкой, у которой нет других забот, как краситься да носить красивую одежду. Тогда меня не смогли бы превратить в Бога.

Слепой почесал нос:

– Ни поддерживать небесный свод? Ни заставлять воду в реке подыматься? Ни убивать жертвенного быка, ни поражать мишень?

– Какое поразить – я различить не могу, где мишень...

– Что это значит, дитя?

– Глаза словно белый туман застилает.

– Принц, ты говоришь правду?

– И этот туман все сгущается. Медленно, но сгущается.

– О нет!

– Теперь ты понимаешь...

– Но, бедный принц, – они-то что говорят?

– Я никому не рассказывал. Я устал от заклинаний, воскурений и гадости, которую приходится пить.

Голос слепого зазвенел от волнения:

– Но ты ослепнешь! Год от году будешь видеть хуже и хуже, дитя. Подумай об Отметке Конца!..

– Какое мне дело до нее? Если бы только я был девочкой...

Слепой топтался на месте, тыча палкой в пыль.

– Они должны узнать. Он должен немедленно узнать... Бедный принц. Бедный народ!

Принц ухватился за лодыжку слепого, который от неожиданности отпрянул в сторону, и неуклюже поднялся на ноги.

– Никому не рассказывай!

– Бедное дитя! Я обязан это сделать. Тебя вылечат...

– Нет!

– Когда Бог будет заканчивать свой бег, я крикну ему об этом. Он услышит меня!

– Я не хочу становиться Богом!

Но слепой уже спешил прочь, привычно постукивая палкой по стволам, уверенно ступая по узким тропинкам между пересохшими оросительными каналами. Принц бежал за ним, заскакивая то с одной, то с другой стороны, плача, уговаривая, хватая за набедренную повязку. Но слепой шел не останавливаясь, отстраняя мальчика палкой, качая головой и бормоча:

– Бедное дитя! Бедное дитя!

Наконец принц, запыхавшийся, ничего не видящий от слез и слепящего солнца, отстал, прошел, волоча ноги, еще несколько шагов и остановился. Он упал на колени в дорожную пыль и продолжал, продолжал плакать. Выплакавшись, он какое-то время еще оставался в той же позе, поникнув головой; потом вдруг заговорил, повторяя одно и то же, словно проверяя, насколько убедительно звучат его слова или насколько хорошо он их запомнил:

– Не знаю, что он такое говорит. Я хорошо вижу обоими глазами.

И вновь, повторяя, видно, то, что слышал в коридорах Высокого Дома:

– Этот человек не в своем уме.

Или просто:

– Я – принц. Этот человек лжет.

Он поднялся с колен. Щурясь от яркого солнца, пошел, стараясь держаться в тени деревьев и продолжая твердить, как урок: «Этот человек лжет. Лжет».

Вскоре его подхватил и закружил вихрь мельтешащих юбок, оглушили аханья и причитания. Это две няньки, черная и коричневая, завидев его, устремились навстречу, как две насадки. Они хлопотали вокруг него, прижимали к груди, плача и журуя, заклиная и увещевая, ласкали и тискали. Потом они отвели его в Высокий Дом, усадили и, не переставая обнимать и целовать, почистили юбочку, а он задышался среди их любвеобильных и потных грудей и пухлых рук. Ему говорили, как дурно он поступил, притворяясь спящим; они-то, поверив, выскользнули, чтобы посмотреть на Бога, а потом обыскались его; и он не должен никому ничего рассказывать; и как он жестоко поступил со своими няньками, которые только и думают, что о его благополучии. Они отвели его под руки к боковому входу, ввели внутрь и в последний раз торопливо оглядели, все ли в порядке. Он вряд ли слышал, что они твердили об опасностях, подстерегавших его за стенами Высокого Дома: о крокодилах, речных чудищах, львах, шакалах, грязных стариках, поскольку то и дело бормотал себе под нос, не обращая на них внимания: «Он лжет».

Наконец, пройдя насквозь Высокий Дом, они вышли во двор перед главными воротами. Несмотря на то что был день, когда Богу предстояло доказать свое могущество, во дворе было малоллюдно. Но снаружи, у ворот, по обеим сторонам дороги стояли солдаты – чернокожие гиганты с огромными щитами и копьями, сдерживая людей из речной долины, которые теснились за их спинами. Возвестив всеобщим воплем о том, что Бог начал свой бег, теперь толпа глухо гудела. Люди в толпе уже утолили любопытство, даже Прекрасный Цветок, которая стояла впереди сопровождавших ее рабынь на помосте у ворот, не привлекала их. Они устали смотреть в проход, образованный двумя шеренгами солдат, и на дорогу, идущую под скалами, на которой должен был показаться Бог. Трубы не трубили. Прекрасный Цветок хотя и была живописна, но стояла как статуя. Бога было не видеть, и нужно было что-то, что могло занять их, так что принц появился как нельзя кстати. Он возник в глубине переднего двора, на ступеньках, что вели вниз от ворот к Высокому Дому. Он шел между массивными, покрытыми росписью колоннами, сопровождаемый по бокам двумя толстыми няньками. На его плоеной юбочке не было ни пятнышка, золотые застежки сандалий сияли. И так же сияли ожерелье на шее и браслеты на запястьях. Парик, спускавшийся на плечи, был расчесан и умащен маслом так, что казался вырезанным из эбенового дерева. На губах принца играла легкая улыбка, с которой он обычно появлялся на людях, и, когда женщины в толпе закричали, как он хорош и мил, улыбка его стала шире, показывая неподдельное удовольствие. Подойдя к помосту, он остановился, бросил украдкой взгляд на Прекрасный Цветок, прежде чем ее лицо скрылось за опахалами, и склонился в низком поклоне. С помощью нянек он поднялся на помост и встал там, щурясь от слепящего солнца. Прекрасный Цветок наклонилась к нему плавно, как тростинка под легким ветерком. Она сменила улыбку

на другую, светящуюся любовью, коснулась его щеки тыльной стороной ладони – жестом, который был воплощением женственности, и прошептала:

– Ты плакал, крысеныш.

Принц устался на свои сандалии.

Толпа заволновалась, зашумела. Принц поднял голову, а Прекрасный Цветок шагнула к краю помоста, увлекая его за собой. Сзади им сунули пальмовые ветви. Вместе со всеми они устремили взгляд на дорогу.

Выше по течению реки, едва различимый глазом, виднелся выступ у основания скалы. На нем стояло вытянутое низкое строение, и сейчас у одного его угла появилась крохотная фигурка. Тут же рядом с ней возникла другая. Их было трудно разглядеть; дрожащее марево искажало движения крохотных фигурок, меняло их очертания, а то и вовсе растворяло без следа. Внезапно толпа по обе стороны прохода превратилась в зеленую заросль, живую изгородь, пальмовую рощу, колышущую ветвями под сильным ветром. Взыли трубы.

«Жизнь! Здоровье! Сила!»

Впереди бежал не Бог. Это был Болтун, поджарый юноша, который время от времени замедлял шаг, поджидая Бога, и кружил вокруг него, подбадривая отчаянными жестами. Он блестел от пота, но был полон сил и не умолкал ни на миг. Позади тащился Бог, Высокий Дом, Супруг Царицы, вступившей в вечное Сейчас, Царственный Бык, Сокол, Владыка Верхнего Египта. Он с трудом перебирал ногами, и по резким движениям, какими точил свой мясницкий нож, видно было, что он бежит из последних сил. Пот градом катился по нему, юбочка прилипла к бедрам. Теперь уже марево и слепящее солнце не мешали его рассмотреть. Белая шапка сползла ему на глаза, и он больше не поправлял ее жезлом и плетью. Даже узел его юбочки казался измученным и дергался, как хвост издыхающего животного. Его шатнуло к обочине. Болтун крикнул:

– О нет!

Ужас отразился на лице бегуна, ужас прозвучал в вопле толпы:

– Высокий Дом! Высокий Дом!

Даже солдаты, в волнении сломав строй, смотрели в его сторону. Принц заметил между солдатами знакомую фигуру. Слепой стоял подняв лицо, выставив палку. Бог бежал по проходу, и толпа смыкалась позади него. Слепой надсадно кричал, но за воплями толпы слов его не было слышно. Бог зашатался, загребая ногами пыль, его колени начали подгибаться, рот раскрылся еще шире, глаза ничего не видели. Споткнувшись о палку слепого, он уронил руки, его ноги подкосились. Глядя перед собой, он упал на палку, прокатился по земле и замер. Белая льняная шапка отлетела в сторону.

Во внезапно наступившей тишине ясно прозвучал голос слепого:

– Бог, принц слепнет! Твой сын слепнет!

Принц безнадежным жестом простер руку к Прекрасному Цветку, которая продолжала улыбаться, и выкрикнул затверженное:

– Он лжет!

– Принц слепнет!

Прекрасный Цветок сказала отчетливо, спокойно:

– Разумеется, он лжет, дорогой. Солдаты, в яму его.

Солдаты, расшвыривая людей, расчищали место вокруг упавшего Бога и склонившегося над ним Болтуна. Бурлящая толпа окружила слепого, который был как беспомощная игрушка в людском водовороте, как кричащая кукла. Прекрасный Цветок сказала, перекрывая гвалт:

– Он подставил палку, чтобы Бог споткнулся.

Несколько солдат врезались в толпу. Пробившись к старику, они окружили его и увели. Прекрасный Цветок взяла принца за запястье, тряхнула и проговорила, не поворачивая головы, уголком рта:

- Улыбайся.
- Он лжет, поверь мне!
- Дурачок, улыбайся.

Принц улыбался, а слезы бежали по его лицу, когда она влекла его с помоста и дальше, в главные ворота, стараясь сохранять величественность поступи. Часть солдат расчищала им дорогу, часть несла Бога. Прекрасный Цветок, сопровождаемая рабынями, поспешила передать принца нянькам во внутренних покоях, спрятать от всех его и его слезы. Затем и сама скрылась со своей свитой.

В переднем дворе Бога уже встречали, словно заранее готовились к тому, что произошло. Шестеро солдат несли носилки. Одного из встречавших украшала шкура леопарда, другого – если только это был человек – голова шакала. Впереди шагал высокий человек в длинном белом льняном одеянии, много старше Высокого Дома. Бритый его череп блестел на солнце. Болтун сразу подскочил к нему и трещал не умолкая.

– Ужасно, ужасно, Верховный, – и так некстати. Я имею в виду то, что случилось, – ужасно! Как вы узнали? Как догадались?

Верховный жрец улыбнулся:

- Это можно было предположить.
- Помни, мне ничего не нужно в награду – совсем ничего!

Верховный милостиво улыбнулся:

- Пошли, мой дорогой Болтун. Ты недооцениваешь себя.

Болтун подскочил, словно солдат кольнул его копьем.

- О нет, нет! Верь мне, я больше ничем не могу помочь!

Бог лежал на носилках. Процессия направлялась к Высокому Дому. Верховный смотрел ей вслед.

- Он хочет слушать твои небылицы снова и снова.

Болтун остановил его у входа, поймав за край одежды.

– Он так часто их слышит, что мог бы запомнить наизусть, – а не то позвал бы кого-нибудь, пусть ему изобразят их на стене!

Старик бросил на него взгляд через плечо:

- Не об этом Он говорил вчера.
- Уверю тебя, я в самом деле совершенно ему не нужен!

Старик повернулся к Болтуну, глянул сверху вниз и положил руку ему на плечо.

- Скажи мне, Болтун, утоли мое любопытство: почему ты отказываешься от жизни?

Но юноша не слушал его. Он вглядывался поверх его плеча в глубину Высокого Дома.

- Он ведь повторит, правда?

- Повторит – что?

- Свой бег! Ему же подставили палку. Он побежит снова, да?

Старик оглядел его с профессиональным интересом.

- Не думаю, – мягко сказал он. – По правде говоря, я уверен, что больше он не побежит.

Он повернулся и направился к Высокому Дому. Болтун остался стоять на ступеньках – его била дрожь, губы прыгали на побелевшем лице.

Большую часть вины за случившееся Прекрасный Цветок отнесла на долю принца. Как только они скрылись в относительном уединении Высокого Дома, она прогнала его пощечиной – чего он и ожидал, – отплатив за волнения, испытанные на помосте. Едва солнце село, он в слезах отправился спать.

От Болтуна избавиться было не так легко. Он перехватил ее в темном коридоре и стиснул ей запястья.

– Не хватай меня!

– Я пока не хватаю, – зашептал он. – У тебя все мысли об одном, можешь ты думать о чем-нибудь еще?

– После того, что ты сделал...

– Я сделал? Ты хочешь сказать, мы сделали!

– Я не думаю об этом...

– Лучше и не думай. Чтобы удалось то, что тебе предстоит. Вот о чем лучше думай!

Она тяжело упала ему на грудь.

– Я так устала... совсем запуталась... мне хочется... не знаю, чего мне хочется.

Он легко похлопал ее по плечу:

– Ну-ну! Полно!

– Ты дрожишь.

– Что ж мне не дрожать? Мне грозит смертельная опасность – и раньше было опасно, но сейчас особенно. Так что лучше бы тебе все удалось. Понимаешь?

Она выпрямилась и отступила на шаг.

– Ты хочешь, чтобы я была соблазнительной? Да?

– Соблазнительной? Нет, то есть да! Как ты выражаешься: соблазнительной. Будь очень соблазнительной.

Она пошла прочь, медленно и величаво.

– Что ж, будь по-твоему.

Вслед ей по темному коридору полетел шепот:

– Ради меня!

Она зябко поежилась в горячей духоте коридора и отвела глаза от смутно вырисовывавшихся фигур на высоких стенах. Навстречу ей рос шум, в котором терялся любой шепот, – слитный шум голосов и музыки, доносившийся из пиршественного зала. Она прошла через зал и в дальнем его конце отодвинула занавес. Тут было светло от множества светильников; и тут ее поджидали прислужницы, онемевшие от страха за неотмытую царскую хну на ладонях и краску на ногтях. Но этим вечером Прекрасному Цветку было не до рабынь. Молчаливая, ничего не замечающая вокруг, сосредоточенная и полная решимости, она позволила им раздеть себя, умастить благовониями, расчесать волосы и переменить украшения. После чего села перед зеркалом – как перед алтарем.

Зеркало у Прекрасного Цветка было бесценное. Сказочное. Во-первых, в нем отражалось не только ее лицо, но и фигура по пояс. А если наклониться поближе, можно было видеть даже собственные ноги. Только у Высокого Дома были подобные сокровища. Ну и потом, кроме своей величины, оно не было ни медным, ни золотым, как у других обладательниц зеркал. Оно было из чистого серебра, а лишь серебро дарило той, которая в него смотрелась, самое дорогое – ее образ, не лстя и не уродуя. Отлитые из золота крылатые небесные богини, которые поддерживали зеркало по бокам, глядели в сияющую гладь бесстрастно, словно не желая выражением своим влиять на впечатление от образа в его глубине. Серебро плющили и отбивали, обрабатывали всяческими составами и полировали, пока гладь его поверхности не с чем стало сравнить. И в самом деле, поверхности зеркала как бы вовсе не существовало – надо было подышать на нее или коснуться ее пальцем, чтобы удостовериться: невидимая плоскость есть. Эта плоскость была понятием, не чем иным, как перевернутой картиной сущего, которая ставила мир лицом к лицу не со своим отражением, но с самим собою.

Правда без лжи и прикрас – именно это нужно было Прекрасному Цветку. Она сидела, вперяя взор в свою мистическую сестру, которая в ответ глядела на нее, и обе были погру-

жены в себя. Страх в рабынях постепенно прошел, и они начали тихонько шушукаться, хлопоча меж тем вокруг госпожи. Она не чувствовала их, не слышала, сидя на низеньком стульчике перед таким же низким столиком, на котором стояло ее зеркало. Сейчас на ней ничего не было, кроме голубого с золотом пояса, свободно, не стесняя обвивавшего талию; и то, что он обвивал ее свободно, было весьма разумно, поскольку любая попытка затянуть что угодно на этой тончайшей части ее тела, совершила бы то, что природа едва не сделала, – и разделила бы тело надвое. Лесть зеркала или чья-либо еще были бы в данном случае излишни. Ее текучее Сейчас достигло момента расцвета; и дальнейшие перемены ничего не могли бы прибавить к ее совершенству. Рабыни забрали вверх ее густые и блестящие черные волосы, но несколько локонов выбилось из прически. Она глядела не мигая, все глубже погружаясь в себя. Ни хирург, вперяющийся в простертое перед ним тело, ни живописец, пытающий свое полотно, ни философ, устремляющийся внутренним взором в метафизические пространства мысли, – никто из них не был более сосредоточен и отрешен от окружающего, чем Прекрасный Цветок, погрузившаяся в свое отражение.

Было очевидно, что она раздумывает, какую краску выбрать, потому что правая ее рука с кисточкой из расщепленной на конце тростинки замерла над каменной палеткой с изобилием красок на ней. Можно было выбрать малахит, растертый с маслом, или лазурит, белую или красную глину, шафран. А можно и золото, только захоти – на маленькой подставке рядом с палеткой висели тончайшие полоски золотой фольги, трепетавшие в волнах жаркого воздуха от пылавших светильников, словно крылышки насекомых.

– Все готово. Пора...

Но Прекрасный Цветок не обращала внимания на рабынь, она их не видела и не слышала. Мучительным усилием воли она одолела сомнения и прорвалась к полной ясности выбора. Ей следует, ей должно остановиться на карминном, к этому исподволь, но с неизбежностью подталкивали другие краски. Зубки разжались, отпустив прикушенную нижнюю губу, и Прекрасный Цветок кивнула своей магической сестре. Карминный сочетается с синим, не с полновечным темно-синим, едва отличимым от черноты, и не с яркой гладью полдневной синевы, окружающей солнце, – но с лазурью, отдающей белизной и словно светящейся изнутри. С бесконечной тщательностью она приступила к делу.

– Они ждут...

Прекрасный Цветок отложила краску, которой подводила соски.

– Я тоже готова.

Она уронила руки, и браслеты зазвенели, скользнув к запястьям. Гибким движением она поднялась с сиденья, и блики света вспыхнули, заструились, замерцали на ее темно-коричневой гладкой коже. Прислужницы принялись одевать ее, облакая в тончайший батист; она послушно поворачивалась, все медленней и медленней, пока седьмое, последнее, прозрачное покрывало не укутало ее с головы до ног. Она недолго постояла, не двигаясь и прислушиваясь к гулу голосов и звукам музыки, доносившимся из пиршественного зала. Потом медленно двинулась – возможно, не замечая того, что говорит вслух, печально и решительно:

– Я буду соблазнительной!

Пиршество было в разгаре; все говорили разом, отчего в зале стоял ровный гул. Присутствующие только изредка бросали взгляд в сторону Высокого Дома. Поскольку он был поглощен едой и питьем и беседой с Верховным и Болтуном, было лишь проявлением учтивости не замечать его – этим мнимым безразличием выказывалась высшая почтительность придворного. По этой причине пирующие, оказавшиеся за одним из столов, размещенных вдоль стен зала, вели себя так, словно их свел вместе случай, и случаю же было вольно разводить их. Так что, даже если трое гостей – две женщины и мужчина, к примеру, – в данную минуту производили впечатление дружной компании, то через некоторое время кто-то из них оказывался за другим столом и в другой компании, которая вскоре распадалась таким

же образом. Над столами, под несмолкаемый ровный шум голосов, покачивались головные уборы пирующих, как лилии под тихим ветерком. Никто из придворных не был пьян.

Хотя следить за Богом они могли лишь исподтишка – словно демонстрируя скорее природную, нежели благоприобретенную ловкость, – они ухитрились осушать чашу наравне с Ним, ни чаще, ни реже. Поскольку он был старше любого из них, исключая Верховного и поскольку в питии явно преуспел больше, нежели в беге, они скоро должны были опьянеть; и они должны были скоро опьянеть, но не раньше, чем Бог.

В нем не было того оживления, какое наблюдалось в придворных. Но силы и хорошее расположение духа вернулись к нему. Он возлежал на широком ложе, где поместились бы двое таких, как он. Его левый локоть тонул в горе кожаных подушек. Сейчас он как раз держал в правой руке кусок жареной утки и деликатно объедал его. Болтун и Верховный сидели рядом на полу за низким столом, заставленным блюдами. Верховный был спокоен, улыбался и смотрел на Бога с выражением дружеского участия. Болтун ерзал и дергался, как всегда.

Высокий Дом покончил с уткой и протянул косточку назад, где ее приняли смуглые руки. Другие руки протянули чашу с водой, в которой он ополоснул три пальца. Этот его жест словно бы послужил сигналом, и три музыканта, сидевшие на корточках у стены в другом конце зала, заиграли громче. Все трое были слепы. Один из них запел гнусавым голосом старую-престарую песню:

Как сладки твои объятия,
Сладки, как мед, и, как летняя ночь, горячи,
О моя любовь, моя сестра!

Бог мрачно разглядывал певца. Потом согнул мизинец, и из воздуха соткалась очередная чаша пива. Верховный, продолжая улыбаться, поднял брови.

– Ты считаешь это разумным, Высокий Дом?

– Я хочу пить.

За всеми столами наполнились чаши. Все почувствовали жажду.

Верховный покачал головой:

– Знаешь, Высокий Дом, это очень старая отговорка.

Бог рыгнул. Потом еще и еще. Дама слева, в углу, проявив замечательную находчивость, громко изобразила тошноту, чем вызвала всеобщий смех.

Бог хлопнул Болтуна по плечу:

– Позабавь-ка меня своими баснями.

– Я уже все рассказал, что знал, Высокий Дом.

– То есть все, что мог придумать, – поправил его Верховный. – Будь это правдой, тебя бы не звали Болтуном.

Болтун взглянул на него, открыл рот, словно собираясь возразить, затем понуро опустил голову.

– Тебе лучше знать.

– Еще басен, – не отставал Высокий Дом. – Еще, еще!

– Я не мастер рассказывать, Высокий Дом.

– Расскажи о белых людях.

– Ты уже слышал о них.

– Давай. – Бог шутливо дернул Болтуна за ухо. – Расскажи, на что похожа их кожа.

– Она выглядит как очищенная луковица, – покорно начал Болтун. – Только не блестит.

Все их тело такого цвета...

– ... сплошь...

– Они не моются...

– Потому что тогда с них сойдет краска! – Высокий Дом захохотал во все горло, и все вокруг тоже засмеялись. Дама, которую стошнило, свалилась на пол, истерически взвизгивая.

– И они смердят, – добавил Болтун, – а как, это я уже рассказывал. Река, омывающая их землю, вздымается огромными волнами, и еще она так солонa, что, если выпить воды из той реки, потеряешь разум и станешь кататься по земле.

Высокий Дом снова захохотал, потом внезапно замолчал.

– Интересно, отчего я упал? – проговорил он. – Это очень странно. Вроде бы только что бежал – и вот уже лежу.

Болтун вскинул голову:

– Тебе дали подножку, Высокий Дом, я видел. И к тому же ты выпил столько пива перед бегом. В другой раз...

– Ты не был пьян, Высокий Дом, – вмешался Верховный, не переставая улыбаться. – Ты выбился из сил.

Бог снова дернул Болтуна за ухо.

– Расскажи-ка о том, – неожиданно расхохотался он, – как вода становится твердой.

– Ты уже слышал об этом.

Высокий Дом стукнул кулаком по ложу.

– Ну и что, буду слушать сколько хочу, – завопил он. – Сколько хочу, сколько хочу!

Вопль замер под высокими сводами. Занавес в дальнем конце зала раздвинулся, и показалось нечто похожее на белый льняной кокон, внизу которого виднелись крошечные ступни. Кокон просеменил в центр зала и остановился между столами.

– ... твердая как камень, правда, – рассказывал Болтун. – Зимой скалы у водопада обрастают бородой, как речные камни – водорослями. Только эта борода состоит из воды.

– Продолжай, – горячо сказал Высокий Дом. – Расскажи, какая она белая, и чистая, и холодная, какая она спокойная, – это очень важно, что она спокойная и неподвижная!

Откуда-то незаметно появилась темнокожая девушка. Она потянула за конец белого покрывала, и фигура стала поворачиваться, переступая маленькими ножками. Болтун продолжал рассказывать, а глазами косил в сторону кокона.

– Болота там черно-белые, и поверхность их тверда. Тростник будто костяной. И холодно...

– Ах! Продолжай...

– Это не просто прохлада, которую приносит вечер или ветерок с реки. Не прохладный бок пористого необожженного кувшина с водой; это холод, который набрасывается на человека, заставляет его приплясывать, потом сковывает его движения и, наконец, вообще не дает пошевелиться.

– Ты слышал, Верховный?

– Если человек ложится на белый песок, который тоже – твердая вода, то так и остается там лежать. Очень скоро он превращается в камень, в свою собственную статую...

Высокий Дом воскликнул:

– Он остается в Настоящем! Для него оно не движется!

Он обнял Болтуна за плечи:

– Ах, дорогой мой Болтун, я просто не могу обходиться без тебя!

У Болтуна вокруг рта легла грязно-белая тень.

– О нет, Высокий Дом! Это в тебе говорят доброта и благородство – я человек ничтожный и никому не нужный!

В этот момент послышалось покашливание Верховного. Они обернулись к нему, и он показал взглядом, куда следует смотреть. С кокона как раз соскальзывало покрывало. Высо-

бодилась и упала блестящая волна волос. Женщина стояла к ним спиной и раскланивалась во все стороны. Волна мерцала, колыхаясь под мягкий рокот барабана. Маленькие ножки пританцовывали.

– Да ведь это, – вскричал Бог, – ведь это Прекрасный Цветок!

Верховный кивал и улыбался.

– Ваша восхитительная дочь.

Высокий Дом поднял руку в приветственном жесте.

Улыбаясь через плечо, Прекрасный Цветок изящно повернулась в такт музыке и освободилась от очередного покрывала; переливающаяся волна волос женственно плескалась, касаясь ее колен. Улыбка Бога и его жест словно послужили сигналом залу. Громкий говор за столами стих, кругом засияли восторженные улыбки, отовсюду неслись ласковые возгласы, радостные приветствия. К барабану присоединились тростниковая флейта и арфа.

– Знаешь, она уже большая! – воскликнул Высокий Дом. – Ты не поверишь, какая она стала большая!

Болтун с трудом оторвал взгляд от Прекрасного Цветка, облизнул губы, наклонился к Высокому Дому и подтолкнул его локтем:

– Это лучше твердой воды, а, Высокий Дом?

Но устремленные вдаль глаза Бога не видели дочери.

– Расскажи мне еще о чем-нибудь.

Болтун задумчиво наморщил лоб. Потом, решив что-то, изобразил на худом лице скабрезную ухмылку.

– Про обычаи?

– Обычаи? Какие обычаи?

Болтун шепнул:

– О женщинах.

Он принялся нашептывать Высокому Дому, прикрыв рот ладонью. Глаза у Бога загорелись. Он заулыбался. Две головы сблизилась еще больше. Бог протянул руку назад, не глядя поднес ко рту уже с чашей пива. Выцедил. Болтун долго хихикал, сотрясаясь всем телом и продолжая говорить из-под ладони.

– ... иногда они видели их первый раз в жизни – это были чужие женщины!

Высокий Дом фыркнул, обдав Болтуна брызгами пива:

– Можешь рассказать о самом непотребном...

Верховный вновь предупреждающе кашлянул. Музыка изменилась. Флейта зазвучала еще гнусавей, словно сокрушаясь о чем-то желанном и недостижимом. Перемена произошла и в Прекрасном Цветке. Тело ее до пояса было обнажено, движения стали быстрее. Прежде двигались только ее ступни. Теперь наоборот – лишь ноги да голова оставались неподвижны. Улыбка стерлась с ее лица, и взглядом она обводила свои груди, поочередно, как бы оценивая. Делалось это так: правая рука сверху – локоть высоко поднят, ладонь выгнута – левая рука снизу – указывает на левую грудь. Ладони обрамляют ее, зазывают взгляд, легкое вращение левого плеча заставляет ее ритмично и тихо подрагивать, так что взгляд может оценить ее теплоту и тяжесть, ее благоухание и бархатистость. Затем змееподобным движением положение головы и рук менялось, и она сосредоточенно взидала на правую грудь. Лишь теперь, когда карминные соски исторгли свой аромат в тяжелый воздух, тростниковая флейта начала понимать желание, которое томило ее. Гнусавый ее звук стал похож на человеческий вопль. Он несся над столами, и кое-кто между питием обменивался поцелуями и осторожными ласками. Болтун, словно притягиваемый неодолимой силой, отвел взгляд от Высокого Дома и медленно повернул голову к Прекрасному Цветку. Его губы были воспалены, словно от жажды.

– Она прекрасна, – простонал он. – Прекрасна, прекрасна!

– Ты прав, она хороша, – согласился Бог. – Расскажи еще что-нибудь.

Болтун замычал в отчаянии:

– Любуйся ею, Высокий Дом, это лучше – или ты не понимаешь?

– Для этого у меня много времени впереди.

Прекрасный Цветок исполняла танец живота. Ее волосы разметались и блестели в пламени светильников. Болтун разрывался между нею и Богом. В отчаянии колотил себя по голове.

– Хорошо, – надулся Высокий Дом. – Раз не хочешь ничего больше рассказывать, сыграю в шашки с Верховным.

Откуда ни возьмись, как пиво до этого, появилась доска. Стоило Высокому Дому склониться над ней и потрясти чашкой с фишками, как за столами произошла перемена. Объятия уступили место приглушенным разговорам о питье и закусках, о развлечениях и играх. Прекрасный Цветок и музыканты, казалось, выступали перед пустым залом или же для собственного удовольствия.

– Твой ход, – сказал Высокий Дом. – Желаю удачи.

– Порой мне приходит на ум, – проговорил Верховный, – что, может, интересно было бы не полагаться на волю случая, делая ход, а продумывать его последствия для себя.

– Что за странная игра, – вздохнул Высокий Дом. – Похоже, в ней вообще нет никаких правил.

Он поднял глаза, увидел дочь и, прежде чем снова уткнуться в доску, благосклонно улыбнулся ей. Прекрасный Цветок продолжала танец, жестом приглашая полюбоваться тонкой своей талией и сложными узорами, какие выписывали ее бедра, медленно вращаясь под последним покровом. Если бы удалось под слоем искусно нанесенной краски прочитывать выражение ее лица, то взору открылось бы беспокойство, переходящее в полное отчаяние. Она дольше, чем полагалось, задерживалась на каждой фигуре танца, словно откровенной настойчивостью можно было увеличить их влекущую силу. Ее кожа блестела сейчас не только от благовонного масла.

Музыкантам приходилось несладко. Арфист ударял по струнам круговым движением с упорством крестьянки, перетирающей зерно в каменном жернове. У флейтиста глаза сошлись к переносице. Один барабанщик не знал устали и играл на своем инструменте то обеими руками, то одной. Разговор за столами шел о шашках, об охоте.

– Твой ход, Верховный.

Верховный тряхнул одновременно головой и чашкой с фишками. Болтун, собрав всю свою смелость, дернул Бога за край юбочки, чтобы привлечь внимание к Прекрасному Цветку. С нее упал последний покров. Теперь на ней ничего не было, кроме украшений, и нагое ее тело сверкало в пламени светильников. Ее губы с подведенными вниз в стилизованной гримасе желанья уголками раскрылись, показав мерцающие зубы. Подошла кульминация танца и его завершение. Прекрасный Цветок шла через весь зал, приближаясь к Богу, – ведомая музыкой, манящей, чувственной, – порой сотрясаясь, словно в конвульсиях. Каждые несколько ярдов танец швырял ее на пол: руки раскинуты, колени широко разведены, живот выпячен. Она шла через зал, цепочкой мгновений, от Сейчас к Сейчас и к Сейчас. Она задела бедрами Бога, тот задел доску, и фишки слоновой кости разлетелись в разные стороны. Он гневно отпрянул и воззрился на нее.

– Я тебе что, мешаю?

Перепуганные музыканты смолкли, тишина повисла за столами и над возвышением, по которому разлетелись и замерли фишки. Все как окаменело, боясь пошевелиться. Лишь порывисто вздымалась грудь Прекрасного Цветка, лежавшей ничком на полу.

Высокий Дом задвигался, гнев сошел с его лица. Он провел ладонью по лбу:

– Ах да. Конечно. Совсем забыл.

Он свесил ноги с ложа и сел.

– Знаешь, мне...

– Да, Высокий Дом?

Высокий Дом взглянул на лежащую дочь.

– Это было замечательно, дорогая. Очень обольстительно.

Верховный наклонился к нему:

– Что ж, тогда...

Болтун в отчаянии приплясывал между Прекрасным Цветком и ложем:

– Это твой долг, Высокий Дом! Долг!

Высокий Дом сидел, упершись ладонями в ложе. Он напряг руки, напружинил бицепсы. Подтянулся, подобрал живот, так что под дряблыми телесами слабым намеком обозначились мышцы. Несколько секунд он оставался в таком положении.

– Ну же, Высокий Дом! Пожалуйста.

Бог выдохнул набранный воздух. Он сидел, невидяще глядя перед собой, безвольно повесив руки, обмякнув телом, снова выставив гладкий круглый живот. Потом проговорил бесцветным голосом:

– Не могу.

С шумом, напоминающим свист пролетевшей мимо чудовищной стрелы, он снова втянул воздух. Никто в зале не осмеливался поднять лица. Никто не осмеливался пошевелить пальцем или моргнуть.

Вдруг Прекрасный Цветок вскочила на ноги. Спрятав лицо в ладони, сотрясаясь всем телом, она медленно прошла через весь зал, и занавес сомкнулся за ней.

Из тени позади ложа к Богу метнулся юноша. Наклонился, прошептал что-то на ухо.

– Ах да. Сейчас иду.

Бог встал, и шелест пронесся по залу – то вслед за ним поднялись все присутствующие; но никто по-прежнему не смел поднять глаз, произнести слово. Высокий Дом последовал за юношей темными коридорами и вышел во внутренний двор. Тьма ночного неба густела над головой, растекаясь по небосклону, и на нем ярче проступал неисчислимый небесный народ. Ниже, под крадущейся ночью, ближе к горизонту, небосвод был голубее, светлее и едва ли способен вынести наваливающуюся тяжесть тьмы. Высокий Дом задержался на миг, только для того чтобы окинуть взглядом эту светлую полосу, тихо присвистнул и поспешил в угол двора. Там он негромко сказал юноше:

– В самый раз я сегодня успел, а?

В углу двора стоял алтарь, пристроенный вплотную к стене. Высокий Дом окропил себя святой водой, опасливо озираясь на темнеющее небо. Бросив щепотку благовонной смолы на тлеющие угли, он пробормотал несколько слов, и густой столб белого дыма поднялся над жертвенником, теряясь в темноте. Бог поспешил сделать то же самое в трех других углах двора. Потом постоял некоторое время, следя за тем, хорошо ли поднимаются столбы дыма, и направился обратно в пиршественный зал, бормоча на ходу то ли себе, то ли юноше:

– По крайней мере небесный свод поддерживать я еще способен.

Гости в зале все так же сидели за столами, потупив взоры и храня молчание. Болтун стоял на коленях подле ложа, вцепившись в ножку, словно утопающий. Высокий Дом взобрался на ложе и улегся на бок.

Потом проговорил:

– Я бы выпил.

Но прежде чем кто-нибудь успел пошевелиться, Верховный поймал его запястье и сказал со спокойной улыбкой:

– Разве ты не понимаешь, Высокий Дом?

Высокий Дом повернулся к нему. По его массивному лицу пробежала дрожь.

– Чего не понимаю?

– Сегодня утром ты упал. Сегодня вечером ты...

Высокий Дом замер. Потом рассмеялся:

– Ты хочешь сказать, мое время пришло?

– Именно.

Тишины как не бывало. Над столами неся шелест:

– Время пришло! Время пришло!

Болтун выпустил ножку ложа, ухватился за резное изголовье, по-прежнему стоя на коленях – глаза закрыты, голова запрокинута.

– Нет! Нет! – закричал он.

А Высокий Дом все смеялся. Он спустил ноги на пол, уселся на ложе, смеясь и обращаясь к собравшимся:

– Крепкое пиво, от которого не бывает тяжелого похмелья.

Верховный улыбнулся и подхватил:

– Прекрасные, неподвластные времени женщины...

Болтун забормотал тоже:

– Конечно, Высокий Дом! Что еще нужно мужчине? Пиво и женщины, женщины и пиво, и доброе оружие – что еще надо?

– Еще свой гончар, – добавил Верховный. – Музыканты. Пекарь, пивовар, ювелир...

Высокий Дом ущипнул Болтуна за ухо:

– И свой Болтун.

Болтун бормотал так громко, что заглушал все звуки в зале. Верховный похлопал его по плечу:

– Успокойся, дорогой мой Болтун!

Бог взглянул на него со своего ложа и улыбнулся еще шире. Он был настроен шутить.

– Не знаю, что со мной? Я просто не могу обходиться без тебя!

Болтун взвизгнул. Вскочил, повел вокруг горячими глазами. Потом бросился бежать. Он промчался через зал, перелетел через музыкантов и исчез, увлекая за собой одну половину занавеса. Там, где он исчез, раздались звуки потасовки: глухие удары, лязг оружия. Послышались военные команды. Болтун снова завопил:

– Не хочу!

Звуки борьбы и ударов заглохли в дальнем конце коридора; и еще раз, но уже слабее, до собравшихся донесся голос Болтуна, в котором звучали ужас и возмущение:

– Придурки! Разве нельзя воспользоваться чучелом?

Никто не двинулся с места. Лица у всех присутствовавших горели от стыда. Темная дыра на месте сорванной половины занавеса зияла непотребным покусением на незыблемость самой жизни.

Наконец Верховный нарушил тишину, провозгласив:

– Мы вновь полны сил.

Высокий Дом согласно кивнул:

– Я подниму воды реки. Клянусь.

Людей за столами обуяла радость, они смеялись и плакали в полноте чувств.

– Прости твоего Болтуна, Высокий Дом, – негромко сказал Верховный. – Он не в себе. Но он будет там с тобой.

Гости подходили к Высокому Дому. Плача и смеясь, они тянули к нему руки. Высокий Дом смахнул слезу:

– Вы моя семья! Мои дети!

Верховный крикнул:

– «Ключ» Высокому Дому!

Гости столпились вдоль стен, освободив проход посередине. В тот же миг из тени за занавесом появилась маленькая старушонка в чадре и с чашей в руках и медленно направилась к Богу. Приблизясь, она протянула ему чашу и скрылась в тени бокового коридора. Высокий Дом принял чашу обеими руками и возбужденно засмеялся. Он поднял ее над головой. Крикнул во весь голос:

– Да пребудет неизменное Сейчас!

Он пил и пил, запрокидывая голову; а гости начали танец, переступая маленькими шажками, шаркая сандалиями и негромко хлопая в ладоши. И, танцуя, покачивая головами и глядя друг на друга сияющими глазами, они пели:

Река наполнила берега.
Голубой цветок распустился;
Настоящее остановилось.

Высокий Дом снова лег и закрыл глаза. Верховный склонился над ним, расправил ему расслабленные члены, сдвинул вместе колени, разгладил смявшуюся юбочку. Вступили музыканты, подыгрывая танцующим. Те задвигались быстрее, и Бог заулыбался, засыпая. Верховный сложил ему руки на груди – не хватало только жезла и плети. Потом пощупал пульс, тронул левое запястье и прислушался к дыханию, приложив ухо к груди. Выпрямился, зашел со стороны изголовья и осторожно вытянул подушку из-под головы спящего.

«Река поднялась навсегда, – пели танцующие. – Настоящее стало вечностью».

Они двигались, сплетая сложный узор танца, постепенно образуя концентрические круги. Языки светильников плясали в волнах горячего воздуха. В проемах дверей толпились слуги и солдаты. Юбочки мужчин и прозрачные туники женщин прилипли к извивающимся телам.

Верховный стоял позади ложа и смотрел на танцующих. Вот он воздел руки над головой. Танцующие замерли, музыка смолкла, инструмент за инструментом. Он кивком подал знак, и солдаты вместе с «чистыми» бросились к нему сквозь толпу. Они обступили ложе, легко подняли его, пронесли через весь зал и скрылись в темной и таинственной глубине Высокого Дома. Следом разошлись и гости, молча, не оглядываясь. В пиршественном зале никого не осталось, кроме Верховного. Он стоял, глядя на светильники, и на его губах блуждала легкая улыбка. Вскоре и он отправился спать.

Только в одной части Высокого Дома еще бодрствовали. На верхней террасе, обращенной к отдаленной реке, группа женщин сидела на корточках вокруг девушки, лежавшей ничком на полу, и молча глядели на нее. Волосы девушки рассыпались по полу; на ней ничего не было, кроме тонкой туники, которая завернулась, открыв ноги. Тело ее было словно сведено судорогой. Лицом, на котором краска расплылась от слез, она уткнулась в согнутый локоть; стиснутый кулачок время от времени вздрагивал от сотрясавших ее рыданий. Другая рука то шарила по полу, то колотила по нему. Некрасиво скривив рот, совсем по-детски, девушка плакала во весь голос. Иногда она затихала и лишь шмыгала носом и всхлипывала, и тогда среди тишины слышался ее стон:

– Какой позор, какой невыносимый позор!

Когда вода в реке поднялась по велению Спящего, долгожданное это событие застигло врасплох лишь тех, кого это касалось больше всего. Журавли и фламинго вразвалку расхаживали по мелководью, хлопая крыльями и клекоча, когда быстро прибывающая вода плескала неожиданной волной. Первая волна вспугнула их, но последующие вызвали только довольную суматоху. В них проснулись деловитость и вкус к жизни, вдруг обернувшейся своей приятной стороной. Они клевали и глотали так, словно изо всех сил старались показать, что

их аппетит соответствует тому изобилию всевозможных форм жизни, коими кишел речной ил, в одночасье напивавшийся водой. Едва сухие пеньки тростников скрылись под первыми дюймами воды, как появились утиные флотилии, которые с самодовольным кряканьем покачивались на мелкой ряби. Ястребы и канюки, обычно равнодушные к полям, теперь висели в небе вдоль всей линии наступающей воды. Землеройки и полевки, змеи и слепушонки, которые не обладали врожденным чувством опасности наводнения и теперь в паническом бегстве искали спасения на возвышенных местах, получали горький и слишком поздний урок. Но люди, знавшие, отчего поднимается вода в реке и что это несет им сытость в желудке, были исполнены радости и любви к Спящему, так что, когда в воздухе повеяло вечерней прохладой, они принялись петь и танцевать. В жаркое время дня у них не было иной заботы, как сидеть в тени и наблюдать за прибывающей водой. Когда сумерки освобождали их от тирании солнца, они ходили по мелкой теплой воде, брызгая ею на землю, жесткую и шершавую под ступней, как кирпич, или же, наклонясь, черпали пригоршней и плескали на себя. Иные подходили к краю своих полей, чтобы насладиться картиной, которую помнили по прошлым годам, чтобы ощутить, как скользит под ногами начинающая отмокать земля, и стоять, с блаженной улыбкой меся ее босыми ступнями.

Когда вода достигла Отметки Доброй Еды – и когда деревушки уже так долго стояли окруженные разливом, что некоторые из младших детей решили, что наступило то самое Сейчас, которое никогда не кончается, – незаметно подошел день пробуждения. Он начался как обычно, окрасив небо поочередно в зеленый, алый, золотой и, наконец, синий цвет. Но люди слышали гудение труб и, смеясь, глядели друг на друга, потому что трубы возвещали о том, что Отметка Доброй Еды достигнута.

– Сегодня Спящий проснется, чтобы жить в вечном Сейчас, и прикажет реке отступить.

И потому они заняли удобные позиции на крышах своих домов и объясняли происхождение детям. Все утро слышалось гудение труб и бой барабанов; а в полдень, когда солнце свирепым своим оком уставилось в водную гладь, над которой курился невидимый пар, они увидели процессию, растянувшуюся вдоль полосы сухой земли между скалами и затопленной землею. Они увидели самого Спящего, которого несли впереди процессии. Он лежал на носилках, поддерживаемых восьмью рослыми мужчинами. Он был запеленут с головы до ног, его толстые руки были сложены на груди и держали жезл и плеть. В разноцветье его украшений выделялись золото и синяя эмаль; даже издали можно было разглядеть его торчащую накладную бородку, темневшую на фоне искажаемых дрожащим маревом скал. Следом шли женщины с длинными распущенными волосами, танцующие и поющие; одни, с сестрами в руках, пытались разбудить его, другие выли и наносили себе раны ножами. Позади шли «чистые» и прочая челядь Бога в Доме Жизни; и наконец, сбоку шагала группа мужчин и женщин, державшихся за руки. Медленным было это путешествие Спящего. Длинной и медленной – процессия, что плелась позади него, шествовала сбоку по насыпным плотинам, отделявшим поля от воды. Многие крестьяне, движимые любовью и любопытством, слезали с крыш и подходили по мелкой воде, чтобы рассмотреть процессию поближе. Широко раскрыв глаза, словно дети, они стояли в воде и наблюдали, как процессия движется мимо. Они зывали к Спящему, но он не просыпался, поскольку «чистым» еще предстояло потрудиться над ним. И так они стояли там, потому что, бредя по воде, не могли поспеть даже за столь медленной процессией, и приветственно махали ей.

Была в этой процессии группа, которую они разглядывали в немом недоумении. В самом конце, чуть поотстав, несколько солдат волокли упиравшегося Болтуна. На его шее висел пектораль Высокого Дома, как на шеях тех, кто, взявшись за руки, шел сбоку. Если Болтун умудрялся – что иногда ему удавалось – высвободить руку, он пытался сорвать свой пектораль. Кроме того, он то выкрикивал что-то, то вопил или выли; и все время порывался вырваться, борясь с солдатами, так что им стоило немалых трудов не помять его. Впрочем,

он сам был очень близок к тому, чтобы привести себя в неподходящий вид – уже и пена пузырилась у него на губах. Шум, который он поднимал, слышен был чуть ли не в голове процессии.

– Не хочу, говорю вам! Не хочу жить вечно! Не хочу!

Мужчина из последней пары державшихся за руки оглянулся на него и сказал идущей впереди женщине:

– Никогда не мог понять, что Высокий Дом в нем находит.

Крестьяне взбирались на насыпь и спешили за процессией и Болтуном. Когда же дамба расширилась, слившись с берегом, и процессия остановилась, разбившись на отдельные группы, они образовали толпу любопытных.

Процессия остановилась перед вытянутым приземистым строением, мимо которого недавно бежали Высокий Дом и Болтун. В стене открывался проход, уводящий между наклонными каменными плитами вниз с залитой солнцем поверхности во тьму подземелья. Вход занимал только половину ширины коридора; сбоку от входа была щель на уровне глаз. Те из процессии, кто находился близ входа, могли видеть эту щель; но и те, кто стоял далеко или кому вид загораживали спины, знали про нее и про то, чьи глаза глядят на них сквозь щель.

Носильщики со Спящим прошли вниз по коридору, сняли его с носилок и поставили на ноги – лицом наружу. Толпа, хлынувшая вперед, могла видеть, что он все еще спит, ибо его веки были сомкнуты. Но тут подошли «чистые», вооруженные инструментами и заклинаниями; и вскоре его глаза открылись, а один из «чистых» отбросил кусочки глины, которыми они были залеплены. Спящий проснулся, Высокий Дом стоял и глядел из своего остановившегося Сейчас сквозь толпившуюся семью, полный жизни, здоровья, сил. Затем пришел черед Верховного, поскольку, среди прочего, он выполнял и обязанности «чистого». Он обернул свое тело жизнью леопарда, подпоясался. Поднял небольшое кремневое тесло и вонзил его в деревянный рот. Он действовал им как рычагом, и стоявшие поблизости услышали легкий треск, подобный треску сучьев в огне. Когда Верховный отступил назад, люди увидели, что Высокий Дом говорит с ними в его остановившемся Сейчас, ибо рот его был открыт. И потому все принялись петь и танцевать. Но среди танцующих и поющих было немало таких, у кого наворачивались слезы на глаза при мысли о том, сколь неуловимо это Сейчас для них самих, – лишь его тень удастся удержать. Солдаты, носильщики, «чистые» вынесли Бога из коридора и подняли на крышу строения, где были приготовлены несколько больших бревен, сложенных так, что между ними оставалась брешь. «Чистые» спустились в нее вместе с Высоким Домом; и солдаты, столпившиеся наверху вокруг бреши, видели, как скользнула на место и была запечатана печатью крышка саркофага. Затем «чистые» выбрались на поверхность и оставили Бога одного в его гробнице, заполненной едой, и питьем, и оружием, и играми.

Они стояли и смотрели, как солдаты сбросили вниз бревна и завалили отверстие огромными камнями.

Всю процедуру, которую «чистые» проделали с Высоким Домом, они повторили с его Близнецом, стоявшим выпрямившись в коридоре, позади щели. Отличие было лишь в том, что появившийся Верховный, вместо того чтобы ударом тесла открыть Близнецу рот, лишь прикоснулся к его губам, потому что Близнец был из камня. Что до глаз, то они у Близнеца уже были открыты и сквозь щель глядели на них.

Затем люди, что держались за руки, толпой повалили ко входу, и каждый получал то, что ему полагалось. Они шли мимо выстроившихся двумя шеренгами «чистых»: каменотес – с буравом, плотник – с теслом и стамеской, пекарь – с солодом, женщины – в прекрасных одеждах и накрашенные, музыканты – с инструментами под мышкой. Они смеялись и оживленно разговаривали, входя в коридор, где, гордые и ликующие, брали вручаемые им чаши.

Только Болтун продолжал сопротивляться; теперь его вопли казались им еще отвратительней. Верховный пытался успокоить его, говоря, что он болен, что на него наслали порчу, но Болтун не слушал его и кричал:

– Если ты это сделаешь со мной, я не буду развлекать его, не стану ничего рассказывать ему – *никогда!*

При этих словах танцующие словно налетели на невидимое препятствие, а избранные, вошедшие в коридор, обернулись в великом удивлении. Верховный резко ударил Болтуна по лицу, так что тот от неожиданности замолчал и несколько мгновений стоял, шумно дыша и мотая головой.

– Приди в себя. Успокойся. Ну скажи нам, почему ты отказываешься от вечной жизни?

И тогда Болтун произнес ужасные, нечестивые слова, от которых содрогнулся мир. Он помолчал. Перестал раздувать ноздри. Дернулся всем телом так отчаянно, что державшие его солдаты едва устояли на ногах, изогнулся и, яростно взглянув на Верховного, крикнул:

– *Потому что эта жизнь достаточно хороша!*

Эти слова заставили замереть все звуки; слышалось только частое тяжелое дыхание Болтуна. Танцующие остановились, и вокруг Болтуна образовалось кольцо удивленных и исполненных презрения лиц. Внезапно, будто почувствовав, как это презрение подталкивает его к Богу, Болтун предпринял яростную попытку вырваться. Верховный вытянул руку. Болтун прекратил борьбу и затравленно смотрел на нее, словно эта рука держала нить его жизни. Спокойно, как врач, объясняющий болезнь, Верховный сказал:

– Еще не было человека, который отверг бы милость, оказываемую Высоким Домом. Но этот человек – нечист, он должен быть очищен. Бросьте его в яму.

Едва солдаты повернулись, чтобы исполнить приказ, силы оставили Болтуна. Он упал и остался бы лежать на песке, если бы солдаты не держали его за руки, безвольно висевшие как веревки. Толпа молча наблюдала, как солдаты удалялись, волоча Болтуна; голова его с открытым ртом безвольно моталась из стороны в сторону. Они протащили его по дамбе и скрылись из виду.

И тогда люди, словно небывалое происшествие объединило их еще больше, снова устремились ко входу в лабиринт. И те, кто ждал внутри, держа в руках инструменты и чаши со смертельным напитком, запели и двинулись дальше; зашагали и те, кто уже исчез в глубине коридора, кого больше не было видно, даже не было слышно, чье пение слабело по мере того, как они скрывались в темноте. Когда остались последние двое, песню едва было можно услышать снаружи. Но вот остался один, потом ни одного – только слабый отзвук песни витал над входом. Толпа ловила его, напрягая слух, подавшись вперед, вытянув шеи – не уверенная, то ли слабое пение она слышит, то ли воспоминание о нем. Наконец – и в том никто уже не сомневался – наступила полная тишина; и скорбь объяла тех, кто остался снаружи – один на один со своим личным Сейчас, которое предстояло преодолеть. Их скорбь усиливалась по мере того, как замирало пение, и была столь же несомненной, как наступившая тишина. Женщины завывали, принялись бить себя в грудь, рвать на себе волосы; мужчины издавали вопли, как попавшие в капкан звери. Только «чистые» не ведали скорби. Взяв пищу, и питье, и факелы, они вошли в коридор. Магическими словами они запечатали вход, сложили пищу и питье у щели, оповестив о том немигающие глаза, что пристально следили за ними из тьмы. Они покинули коридор и пошли обратно по дамбе, предводительствуемые Верховным. Толпа тоже разбрелась – кто по дамбе, кто по затопленным полям. Остались одни солдаты, которые принялись за работу – заваливать коридор камнями и песком.

Принца заставляли учиться сидеть на троне. Верховный забрал его от нянек и усадил в подходящее кресло. И так он сидел в мрачном пиршественном зале, колени и ступни вместе, грудь выпрямлена, подбородок поднят, глаза широко открыты и глядят прямо перед собой.

На нем было подогнанное по росту парадное одеяние, довершавшееся искусно завязанным царским узлом; в прижатых к груди руках он держал жезл и плетъ. Его замечательную прядь сбрили, и теперь его голова под тесным париком была гола, как булыжник. К парику была прикреплена кеглеобразная льняная корона, головной убор царей Верхнего Египта, к подбородку привязана борода. Он сидел, стараясь не дышать и боясь мигнуть, когда от напряжения перед глазами начинала плыть тьма и слеза появлялась на ресницах.

Верховный ходил и ходил вокруг кресла. Тишина нарушалась лишь тихим шуршанием его юбочки.

– Хорошо, – приговаривал Верховный. – Очень хорошо.

И снова кружил и кружил вокруг. Из затуманенных глаз принца выкатилась слеза и побежала по щеке. Он не выдержал и яростно моргнул.

– Эй! – воскликнул Верховный. – У тебя так хорошо получалось, но ты все испортил. Держи глаза открытыми, чтобы люди видели твои слезы. Не моргай!

– Не могу не моргать! Ведь все моргают!

– Ты будешь не как «все», – раздраженно сказал Верховный. – Тебе предстоит стать Богом, Высоким Домом, восседать на троне, держа в одной руке символ власти, в другой – символ отеческой заботы.

– Они увидят, что я плачу!

– Они и должны увидеть, как ты плачешь. В этом глубочайший религиозный смысл. Можешь ты представить себе Бога, который смотрел бы и не плакал от того, что видит?

– Всякий заплачет, – угрюмо возразил принц, – если все время смотреть в одну точку и при этом ни моргнуть, ни потерять глаза.

– Всякий и моргнет, и потрет глаза, – отрезал Верховный. – В этом и разница.

Принц выпрямился и снова уставился немигающим взглядом в темноту. Он увидел, как осветился широкий прямоугольник входа в другом конце зала, и понял, что солнечный свет медленно пробирается к нему по коридору. Выдержка покинула его – он бессильно сомкнул веки и уронил голову на грудь. Руки упали на колени, и жезл звякнул о плетъ. Верховный прекратил свое кружение.

– Опять!

– Я не могу. Не могу поддерживать небесный свод... ерзать на сестре... держать глаза всегда открытыми... заставлять воды реки подниматься...

Верховный ударил себя кулаком о ладонь. Мгновение казалось, что он взорвется; но он овладел собой, наклонив голову, сглатывая слюну и глубоко дыша.

– Пойми, дитя мое. Ты не представляешь, в какой мы опасности. Не представляешь, как мало у нас времени...

твоя сестра ничего не желает знать... никого не желает видеть... вода все прибывает...

Он склонился к принцу и заглянул ему в глаза.

– Ты *должен*! Все будет хорошо! Обещаю. Ну попробуй снова.

Принц опять принял позу сидящего бога. Некоторое время Верховный наблюдал за ним.

– Уже лучше! Так. Мне необходимо увидеть твою сестру – необходимо! Так что я покину тебя. Оставайся в этой позе, пока солнце не пройдет от одной стороны входа до другой.

Он выпрямился, поднял руку, потом поклонился, коснувшись пальцами колена, отступил на три шага, повернулся и поспешил прочь.

Когда шорох юбочки Верховного стих в отдалении, принц выдохнул, осел в кресле, ссутулив спину, и закрыл глаза. Поднял худенькую руку и провел по лицу. Передвинулся в кресле, чтобы узел не давил на торчащий крестец. Положил жезл и плетъ на пол рядом с креслом. Бросив взгляд на вход, он сорвал с себя льняную корону таким резким движением,

что заодно слетел тесный парик и порвалась узкая завязка бородки. Он швырнул то и другое на жезл с плетью. Потом хмуро сгорбился в кресле, упершись локтями в колени и положив подбородок на кулачки. На плитах пола вспыхнула крохотная точка – солнечный зайчик – и приковала к себе его внимание. Точка выросла в сверкающую монету.

Он резко выпрямился в кресле, потом вскочил и принялся кружить по огромному помещению. Время от времени он оглядывался на фигуры с птичьими головами, которые не мигая и не плача смотрели со стен. Наконец он остановился посередине зала, спиной к солнцу. Медленно поднял голову и вгляделся в смутные очертания громадных стропил и балок. Потом подался назад, словно они грозили обрушиться ему на голову.

Он осторожно подошел к дверям и выглянул в коридор. В одном конце дремал, привалясь спиной к стене, страж.

Принц расправил, сколько мог, плечи и твердым шагом пошел по коридору к стражу, который проснулся и приветствовал его поднятием копья. Принц не удостоил его вниманием и свернул за угол, где встречная девушка испуганно прижалась к стене, пропуская его. Он прошел Высокий Дом насквозь, не обращая внимания на встречающих людей, пока не услышал приглушенный шум кухонь. Он миновал и их: повара спали, судомойки драили котлы и пилились на него; миновал кухонный двор, где под открытым небом медленно жарились на углях гуси. Задние ворота, ведущие к скалам в пустыне, были открыты. Он вдохнул всей грудью, словно собираясь нырнуть, и, стиснув кулаки, прошел в ворота.

Очутившись на воле, он остановился в тени стены и внимательно оглядел угловатые подножия скал, наносы песка, зубчатую линию утеса на фоне неба. Суровая, бесплодная земля. Ничего, что напоминало бы ласковую тень у реки. Зато здесь можно было прекрасно спрятаться. Он зашагал вперед, стараясь где можно держаться в тени, хотя она встречалась не часто. Он шел и бормотал про себя:

– *Она-то* все может, что я не могу.

Слезы бежали у него по щекам.

Спотыкаясь о камни, он свернул в сторону и, скорчившись за валуном, огляделся вокруг. Среди камней он заметил человека. Тот сидел на круглой вершине бугра, и его темная фигура четко вырисовывалась на серой скале. Голова его была низко опущена, словно под гнетом палящего солнца.

Человек стал на колени и принялся перебирать руками вверх и вниз, вверх и вниз. Принц внезапно понял, что человек вытягивает из земли нечто вроде веревки. Не успел он это понять, как различил возникшие под рукой у человека кувшины и чашки, находящиеся, возможно, в сетке, сплетенной из шнура, слишком тонкого, чтобы его было видно издали. Человек встал во весь рост, презрительно свистнул и плюнул себе под ноги. Потом поднял камень и угрожающе размахнулся, целясь во что-то под ногами. Раз и другой он сделал вид, что бросает, затем швырнул-таки, и скала издала вопль. Человек повернулся и не спеша пошел обратно, смеясь и помахивая сеткой с чашками и кувшинами. Принц съежился за валуном и слушал, как скрипят шаги человека, возвращавшегося назад. И еще долго после того, как ворота с громким стуком закрылись за человеком, его била дрожь.

Наконец он поднялся, прикрыв глаза ладонями, сложенными козырьком, и пошел вверх по склону. Солнце палило его обритую голову, слепило, отражаясь от скалы. Стараясь смотреть только здоровым глазом, он поднялся на бугор.

Сначала он почуял вонь; потом увидел мух. Холм кишел ими. С каждым шагом их гудение становилось громче, и вскоре они уже облепили его.

Он увидел, что стоит на краю ямы. Высокое солнце заливало ее, оставляя лишь узенькую полоску тени у одной стены. Мух, и это было очевидно, привлекала яма – гудящая их туча чернела внизу, копошилась на отбросах: костях и гниющем мясе, расплзшихся остатках овощей и покрытых слизью камнях. В одном углу, на самом солнцепеке, лежал слепой

старик, головой опираясь о каменную стену ямы. Он превратился в скелет, и одно только отличало его от сваленных в яму костей – его скелет был еще обтянут кожей. Слой грязи покрывал его. Рот был открыт, и по губам ползали мухи. В тот момент, когда принц осознал, кто это лежит в яме, из горла слепого вырвался слабый хрип.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.